

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Екатерины ЛЕСИНОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Маска короля
Рубиновое сердце богини
Кольцо князя-оборотня
Проклятие двух Мадонн
Крест мертвых богов
Готический ангел
Медальон льва и солнца
Улыбка золотого бога
Хризантема императрицы
Черная книга русалки
Плеть темной богини
Неизвестная сказка Андерсена
Ошейник Жеводанского зверя
Слезы Магдалины
Счастливый доллар
Вечная молодость графини
Браслет из города ацтеков
Фотограф смерти
Райские птицы из прошлого века
Алмазы Джека Потрошителя
Серп языческой богини
Дельфийский оракул
Бабочка маркизы Помпадур

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Екатерина ЛЕСИНА

**Бабочка
маркизы
Помпадур**

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л 50

Оформление серии *С. Курбатова*

Лесина Е.
Л 50 Бабочка маркизы Помпадур : роман / Екатерина Лесина. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-64301-1

Изящная золотая брошь, выполненная в виде бабочки, способна на многое: она может исполнить любое желание своей хозяйки. Благодаря ей ничем не примечательная Жанна-Антуанетта Пуассон превратилась в маркизу де Помпадур, женщину, сумевшую завладеть непостоянным сердцем короля на долгие годы... Эта же бабочка изменила жизнь Киры. Вчерашняя нищенка и попрошайка стала роковой женщиной, перед очарованием которой не способен устоять ни один мужчина. Но незадолго до своей свадьбы Кира исчезла, а бабочка-брошь осталась. И Алине, удивительно похожей на Киру, предлагают занять место беглянки. Ведь Алексей не готов смириться с исчезновением невесты. Он не верит, что Кира ушла сама и что она жива, но знает — убийца не устоит перед новой невестой. Да и живые бабочки, присланные в качестве свадебного подарка, лучшее тому подтверждение...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-64301-1

© Лесина Е., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Пролог

олотая бабочка запуталась в волосах. Высветленные пряди рассыпались по подушке, и человек подумал, что так даже лучше.

Мертвая — она спокойна.

Бабочку он снял, аккуратно освобождая из волосных тенет, и на черной коже перчатки заколка выделялась ярким пятном. Бедная мертвая бабочка...

Ее человек вернет.

Позже.

Он спрятал ее в жестяную коробку, которую носил с собой скорее по привычке, чем из необходимости. В коробке еще оставались ментоловые леденцы, и к вечеру бабочка пропахнет мятой. Но запах этот выветрится раньше, чем аромат ее духов. Тяжелые, они пропитали эмалевый узор крылышек и сам металл. И куртку человека тоже.

Ей нравилось метить свои вещи, хотя бы запахом.

Чертова кошка.

Мертва. А выглядит так, будто заснула. И человек прижал пальцы к шее, убеждаясь, что пульс отсутствует. В ее пустых глазах отражалась комната: желтые шторы, белый потолок и длинный светильник с соломенным абажуром, чем-то похожий на журавля в шляпе. Она любила необычные вещи.

Понимание пришло с ужасом.

Мертва!

Совсем мертва. Бесповоротно. Всегда дразнила, уходила, но возвращалась, даруя милость поцелуя. И порой позволяла больше.

— Ты же понимаешь, — говорила она, глядя в глаза. — Это лишь игра такая...

Или не говорила, но смотрела. Человек понимал ее так же хорошо, как себя. Лучше, чем себя.

Он опустил на колени перед кроватью и, закрыв лицо руками, заплакал. Слез не было, но сдавленные рыдания сотрясали его тело.

— Прости, прости...

Он не представлял, как будет теперь жить. Без нее? Он не умеет. И не желает учиться.

Хлопнула дверь, и раздались шаги.

— Дорогая, ты где? Я вот... — незванный гость вошел в комнату и застыл на пороге. Какое же глупое у него выражение лица. И что она нашла в нем? Что она находила во всех этих сволочах, которые тянулись к ней, желая одного — владеть ею единолично. А она принадлежала человеку и только ему. Обещала ведь.

Он заставил ее сдержать обещание.

— Кто ты такой? — мужчина держал в руках алые розы и пакет, из которого выглядывала бутылка.

Человек неловко поднялся, он открыл было рот, желая высказать все, что думает, но понял: никому это не интересно. И просто поднял пистолет. Дважды нажав на спусковой крючок, он зажмурился от громкого звука, но заставил себя выстрелить и в третий раз, прижимая ствол к льняному пиджаку.

Крови было на удивление немного. И вид ее отрезвил.

Кару не вернуть, но... у него получится жить дальше. Если, конечно, его не поймают. А для этого человек должен сделать так, чтобы эту парочку не искали. Они сами позаботились об уединении, человек же сделает остальное.

Он аккуратно упаковал вещи, не забыв паспорта. Тела перетащил в багажник — это отняло много сил, но расчленять человек не решился. Ему претил не столько вид крови, сколько необходимость изуродовать Кару, пусть бы и мертвую. Может, хотя бы теперь она упокоится с миром.

Упокоится навсегда в старом колодце заброшенной деревни, которую он проезжал, когда гнался за призраком Кары. Ведь хотел просто поговорить, объясниться... он не собирался никого убивать.

Конечно, не собирался. Он умолял ее вернуться, а она смеялась.

Довела!

Сама во всем виновата. Слишком долго испытывала любовь на прочность. И вот чем все закончилось.

Свалив трупы, человек отправил в колодец и чемоданы. Перегнувшись через край, он долго вглядывался в темноту, но не видел ничего. Хорошо. Здесь ее не найдут. А что сбежала... Кара всегда сбежала. Вернувшись в дом, человек старательно замыл кровавое пятно, заправил кровать — белье не перестилал, пусть тот, кто пойдет по следу Кары, убедится, что в этом доме она была, и не одна.

Вино открыл, выплеснув часть в умывальник.

Два бокала. Цветы.

Тот, другой, наивно полагавший, что удержит Кару, не будет разочарован. А гнев его послужит хорошим мотивом для обвинения в убийстве. Если, конечно, тела найдут...

Вернувшись домой, человек достанет золотую бабочку из плена коробки и будет долго любоваться ею. До рези в глазах, до голоса в голове.

— Думаешь, избавился от меня? — Кара всегда говорила насмешливо, выпячивая нижнюю губу, точно собираясь плюнуть в собеседника.

— Я тебя убил.

— Нет. Тебе так только кажется.

— Ты мертва.

— Посмотрим, — она засмеялась тем особенным хрипловатым смехом, который прежде сводил человека с ума. — Мертвые иногда возвращаются.

Он отбросил бабочку, и та упала на ковер. Желтое пятнышко на алом. Золото на крови.

Надо ее отправить Лехе. Пусть гадает, что значит этот подарок.

1721 год. Франция

Д

итя родилось некрасивым. Мать его, Луиза Мадлен, долго и с удивлением разглядывала младенца, пытаясь найти хоть что-то, что вызвало бы в ее сердце трепет, перерождающийся в любовь. Однако сердце стучало ровно, а в душе появлялась лишь брезгливость.

Девочка была невелика, красна, что, по уверениям повитухи, было обыкновенно для младенцев, и нервозна. Она дергала ручонками, шевелила крошечными ножками, будто бы желая сбегать из холодных материнских рук. Сморщенное личико не имело никакого осмысленного выражения, хотя Луизу Мадлен уверяли, будто бы дети, в мир приходящие, все ангелы.

От этой, пусть бы и омытой, пахло кровью, и Луиза Мадлен живо вспомнила испытанные при родах муки, дав себе слово, что никогда более не подвергнет себя подобному испытанию.

— Найдите ей кормилицу, — она вернула младенца повитухе, испытывая лишь облегчение оттого, что ей нет нужды возиться с этим существом.

За прошедшие годы благосостояние ее супруга, Франсуа Пуассона, некогда служившего обыкновенным лакеем и взятого в мужья исключительно ради того, чтобы числиться замужней дамой, улучшилось. Во многом произошло это благодаря стараниям Луизы. Она точно знала цену собственной красоте, а также мужским желаниям, которым можно было пойти навстречу в обмен на некие услуги.

С рождения отличаясь твердым характером и неженским умом, Луиза Мадлен оставалась равнодушна к красивым речам, стихам — находились безумцы, полагавшие, будто пара рифмованных строк способна растопить ее сердце — и дешевым дарам. Она предпочитала вещи куда более земные, здраво полагая, что молодость и красота отнюдь не вечны.

Не способная к любви, она не испытывала душевных терзаний по поводу измен, но радовалась лишь тому, как удачно складывается карьера мужа. Будучи человеком тихим и где-то робким, Франсуа всегда и во всем слушался супругу. Нет, она не принуждала его скандалами либо иными чисто женскими способами, каковых было великое множество, от шантажа до слез и уговоров. Луиза знала, что муж свято верит в ее ум и талант, а также в то, что должен благодарить Господа, ниспославшего ему такую замечательную женщину. И в награду за послушание он постепенно превращался в человека солидного, степенного, обладающего небольшим капиталом и, главное, состоящего при дворе поставщиком провиантского ведомства, что позволяло этому капиталу прирастать год от года.

Он обзавелся лысиной и брюшком, внушавшим каждому, что вот идет достойный господин, чья жизнь спокойна, размеренна и будет таковой до самой его смерти.

Впрочем, в последнее время появились у Луизы некоторые подозрения. И не будь она столь утомлена беременностью — а та протекала тяжело, — то всенепременно занялась бы делами мужа.

Он объявился под вечер, хотя Луиза велела послать к нему мальчишку с запиской, где говорилось, что Франсуа наконец-то стал счастливым отцом.

— Где ты был? — строго спросила Луиза Мадлен, когда супруг все ж явился. Разрешившись от бремени, она словно бы скинула тяжкий груз, из-за которого три последних месяца вынуждена была провести в постели, мучаясь тошнотой, мигренями и отеками. Постоянное недомогание ослабляло ее, делая ко всему некрасивой.

Повитуха еще тогда предсказала девочку, мол, они крадут у матерей красоту.

И пожалуй, именно в тот момент Луиза Мадлен поняла, что не сможет полюбить дочь. Однако сейча младенец был в детской, а муж лепетал нечто невнятное о делах и сделках...

Что он смыслит в делах?

И уж тем более в сделках?

Пахло от него дешевым вином и женщинами, тоже, впрочем, дешевыми.

— Что-то я не вижу, чтобы ты был рад рождению дочери, — сказала Луиза Мадлен. — Меж тем Жанна-Антуанетта — очаровательное дитя. Тебе следует взглянуть на нее.

— Я взглянул, дорогая моя. И уверен, что ты уже обрадовала ее отца.

Он был чересчур дерзок, чтобы списать это лишь на вино. Следовательно, случилось что-то такое, что перечеркнуло всю жизнь Франсуа, вынудив его сказать то, о чем он думал давно.

— Ты меня обвиняешь? — Луиза испытала лишь удивление: неужели этот слабый человек решился выйти из-под ее опеки. И на что он рассчитывает?

— Я от всего сердца желаю тебе счастья... и вашей дочери тоже.

— И что ты собираешься делать?

Луиза знала, что один он не способен ни на что, и хотела было ответить, что без ее поддержки Франсуа вскоре вновь станет лакеем, если не хуже того.

— Я встретил женщину, которую люблю всем сердцем. Тебе этого не понять! Ты холодна что телом, что душой. Уж не знаю, что в тебе находят другие, однако я устал. Она же скрасила мое одиночество, отогрела...

Франсуа раскраснелся от собственных речей, особенно нос и вяловатый подбородок, под которым прятались еще два подбородка. Он говорил громко, размахивая левой рукой, точно отгоняя те возражения, которые могла бы вы-

двинуть Луиза Мадлен. Она же силилась понять: неужели найдется такая безумная женщина, которая захочет взять себе вот этого никчемного мужчину? И лишь по зову сердца? Если так, то Луиза была рада своей неспособностью любить.

Тем же вечером Франсуа покинет дом, забрав с собой и все деньги, которые только сумеет найти, а также батистовые сорочки, платок с кружевами, серебряные ложечки и совершенно новую шляпку Луизы, подаренную, между прочим, не им.

И совсем немного времени пройдет, прежде чем Луиза Мадлен убедится в верности собственных предположений. Кем бы ни была та, другая женщина, которую столь рьяно нахваливал глупый Франсуа, но двигала ею отнюдь не любовь. Он же, беспечный мотылек, бросил к ногам красавицы — Луизе хотелось думать, что та, другая, все же обладала красотой или хотя бы приятной внешностью, — и свой капитал, и жизнь, и все перспективы. Он проворовался, наделал долгов и не нашел ничего лучше, чем сбежать, оставив жену и новорожденную дочь беззащитными.

Вернее, оставил бы, будь Луиза несколько иного характера.

После ухода мужа она, найдя в себе силы подняться с постели, лично написала письмо другому человеку, опека и поддержка которого помогали пережить тяжелые месяцы беременности. Луиза несколько сомневалась, захочет ли этот человек ее видеть: в последние недели он вовсе не баловал Луизу вниманием. Однако ей повезло.

Норман де Турнем, финансист, куда более удачливый и осторожный, нежели Франсуа, появился ночью. Он пришел один и долго, внимательно разглядывал новорожденное дитя, выискивая в ней собственные черты. Луиза, ради этой встречи преодолевшая брезгливость и взявшая младенца на руки, терпеливо ждала.

— Она не будет такой красавицей, как ты, — произнес Норман. И эти слова наполнили сердце Луизы теплотой. Пожалуй, если бы и был во Франции, да и во всем мире че-

ловека, которого она способна была бы полюбить, то им являлся *Норман*.

Первая их встреча, случившаяся около двух лет тому назад, мало напоминала встречи с иными мужчинами. Луиза Мадлен удостоилась беглого взгляда и насмешливо приподнятой брови. Сама же она, забыв об обычных уловках, ответила тоже взглядом, прямым и жестким.

Норман де Турнем кивнул.

Луиза отвернулась.

Он сам нашел ее и обратился так:

— *Мадам*, я много слышал о вашей несравненной красоте, но эти слухи оказались преувеличением. Мне встречались и куда более прекрасные дамы. Однако я ничего не слышал о вашем характере.

— *Характер* — не то, что делает честь женщине.

— *Честь женщины* — весьма неустойчивое понятие. И чем дольше я живу, тем больше в этом убеждаюсь. Скажите, *мадам*, что привлекает вас в мужчинах?

— *Деньги*, — честно ответила Луиза Мадлен и, поведя очаровательной белизны плечом, на котором чернела бархатная мушка, добавила: — *И возможности*.

— *Вы откровенны*.

— *Как и вы*.

Она разглядывала этого невысокого и невзрачного мужчину, одевавшегося просто, если не сказать — бедно. Его лицо было грубо, а взгляд — холоден. Но именно холод заставил сердце Луизы чуть-чуть вздрогнуть. Ее саму так еще никогда не оценивали.

— *У меня есть и деньги, и возможности*. Я хотел бы заключить сделку.

Он выдвинул хорошие условия, но Луиза Мадлен все равно торговалась, поскольку чувствовала, что именно это необходимо *Норману*. И тот остался доволен.

Их сделка, пожалуй, оказалась самой большой удачей для Луизы. *Норман* не был скуп, скорее рачителен, и это качество лишь увеличивало симпатию к нему. Его расчетливость, предусмотрительность, уравновешенность и уме-

ние в любой ситуации сохранять лицо были близки и понятны. Пожалуй, надели его Всевышний красотой, Луиза сказала бы, что встретила себя, но в мужском обличье. Но красотой Норман не обладал, да и в постели был скучен.

Отказывая Луизе в праве на других любовников, он не протестовал против исполнения ею супружеского долга, и потому внезапная беременность поставила Луизу в неловкое положение.

Теперь, ожидая решения Нормана, Луиза Мадлен кляла себя за то, что не переехала к нему на содержание. Тогда ей казалось, что нельзя расставаться с мужем, в которого вложено столько времени и сил. А вышло, что муж, не имея ни капли благодарности в сердце, расстался с Луизой.

— Пожалуй, она столь же некрасива, как и я, — сказал Норман и взял младенца на руки. Девочка не плакала, но разглядывала отца большими холодными глазами. — Жаль. Красота — оружие в руках женщины. Но будем надеяться, что Господь наделил ее моим разумом... или вашим.

Это была первая похвала, которой удостоилась Луиза.

— Как вы назвали дитя? — Норман передал девочку матери.

— Жанна-Антуанетта. Если вы не возражаете.

— Не возражаю. Но надеюсь, что теперь вы примете мою опеку.

Луиза согласилась: да и что она могла сделать теперь? Ее благополучие внезапно оказалось в крошечных ручонках новорожденной дочери.

Эта соперница была некрасива.

Но опасна.

— Сво-о-олочь, — невеста рыдала, подвивая и вытирая нос атласным подолом свадебного платья. Платье было объемным, и пухленькие ножки невесты выглядывали из белой кружевной пены.

— Не плачь, Таточка, он того не стоит.

Свидетельница в чем-то розовом, облегающем выпуклости и впадины тела, стояла в дверях, обмахиваясь

бумажным веером. Она была по-змеиному длинна, тоща и ленива.

— Он сволоочь! — всхрюкнула невеста и швырнула свадебным букетом в окно.

— Сволоочь, — свидетельница не стала спорить. — Хочешь семак?

Семечки она носила в розовом клатче, куда запускала руку, шарила с задумчивым видом, словно удивляясь тому, сколько всего способно уместиться в крохотную сумочку, и, вытащив горсть, пересыпала в ладонь. Черные зернышки она сдавливала нарощенными ногтями. Раздавался хруст. Ядро летело в покрашенный рот, а шелуха — на пол. Алина раз пять открывала рот, чтобы сделать замечание, но всякий раз наталкивалась на холодный равнодушный взгляд и замолкала.

Нельзя скандалить с клиентами.

— Он... он мне обеща-а-ал, — рев невесты набирал обороты, и Алина с тоской подумала, что день ее будет долгим и нервным.

Теперь она ненавидела свадьбы.

А ведь когда-то мысль открыть агентство по организации свадебных торжеств показалась не просто удачной — волшебной. Алине представлялись счастливые англообразные невесты, сияющие от восторга женихи, благообразные родители, тайком смахивающие слезы. Гости... и все до одного очень благодарные Алине за помощь.

В конце концов в их городке не было подобной конторы.

А Алина знала о свадьбах все. Ну так ей казалось.

— Вы должны все исправить, — сказала свидетельница, переключая внимание с рыдающей подруги — щеки покраснелись, макияж поплыл, и в плаче появилось характерное икание — на Алину. — Вам за это платят.

— Но что я сделаю?

— Что-нибудь. Не реви, Тата. Все исправится...